

ГОРБАЧЕВ: В ЛЮБИМЧИКАХ У ИСТОРИИ ХОДЯТ ЛИШЬ ПОБЕДИТЕЛИ

1989 год

Очень редко случается, чтобы История одарила одного из своих великих персонажей — сразу, с самого первого его появления на ее подмостках — всей властью, славой, тайной и популярностью, которые достаются героям позже. Наполеону после первого успеха при Директории пришлось отправиться в Египет, столкнуться там с тяготами экзотического рода и лишь потом возобновить свое восхождение на трон и к Империи. Если говорить о королях, им, как правило, приходилось дожидаться смерти матери или падения регента, чтобы стать всемогущими. Де Голль три года просидел в Лондоне; Гитлер провел несколько месяцев в тюрьме после своей первой Мюнхенской истерики (я уж не говорю о необузданных калифах на час — полковниках из Латинской Америки, — которых и по именам-то не успевают запомнить, впрочем, их имена никоим образом не смогут повлиять на судьбы мира).

Короче говоря, если человек сразу оказался на вершине, притом что никто даже не заметил, как он взбирался по ступеням служебной лестницы или перескакивал через них, — это случай исключительный.

А ведь именно так произошло с Горбачевым: в один прекрасный день он возглавил Верховный Совет, в одночасье став хозяином России, то есть человеком, в чьих силах уничтожить Европу, и уж тем более тиранить 200 с лишним миллионов человек. Он молниеносно завоевал наш мир благодаря средствам массовой информации, а ведь его никогда не видели склоненным над плечом Брежнева или в профиль за спиной Андропова. Его появление было неожиданным, на него не возлагали надежд и, следовательно, не боялись, но при виде этого человека в 1985 году 300 членов президиума русской Коммунистической партии (*так в тексте. — Прим. перевод.*) должны были встать, а затем сесть.

Мир был потрясен вдвойне. Дело в том, что в течение 70 с лишним лет этот пост неизменно доставался старцу с надменным выражением застывшего лица, который третировал нас или отчаянно, порой до смешного откровенно врал нам. Одетые в костюмы, явно пошитые из синтетики, за неимением сермяги, эти 80-летние долгожители требовали от нас уважения, не платя нам той же монетой, и несли на весь мир несусветную ложь. Мало-помалу мы свыклись с тем, что эти одержимые старцы называют нас декадентами и похотливыми гадинами. И тем не менее эти старики представляли для нас Россию, русский дух, героев Достоевского, героев Толстого, балалайки и все то, за что мы в глубине души любили, не зная его, — этот такой близкий народ, с которым почему-то вечно находились в состоянии то холодной войны, то разрядки. Шло время с его перипетиями, и мы привыкли к этому состоянию, привыкли к тому, что от незнакомых соседей нас отделяет стена — иногда символическая, иногда реальная, стальная стена. Тем более что каждый год репортаж, свидетельство или чей-то рассказ напоминали нам о существовании за нею мучеников или фанатиков — кому как ближе, — усиливая у одних из нас сострадание, а у других — страх и даже ненависть. Ах, как же далеко мы были от знаменитой русской теплоты, от русской души, прямо сказать, у черта на куличках, а чертями, дьяволами были те, кто от Сталина до Андропова олицетворял собой беспрецедентную — во всяком случае по цинизму — тиранию: ведь утверждая, что ее вдохновляет сам народ, она этот народ третировала и душила! Душила до такой степени, что если американцы в наших глазах были, как правило, грубыми материалистами, англичане — спесивцами, испанцы — брюзгами, а итальянцы — болтунами, то русские были никем — русскими, и только! У них не было личности, своеобразия, своего лица. Как же нужно угнетать и подавлять нацию, чтобы ее нельзя было представить себе даже через недостатки... Дело дошло до того, что самые решительные противники страны даже не обсуждали ее плачевного положения и упадка. Просто одни говорили, что русские получили то, что хотели, а другие называли их страдальцами. Конечно, последних становилось все больше, учитывая

откровения вырвавшихся из ГУЛАГа. Своеобразное сострадание, замешанное на страхе, постепенно сглаживаемое рассказами очевидцев — побывать за «железным занавесом» стало проще, но впечатления были по-прежнему мрачными, — определило отношение к России; иногда это чувство обострялось в связи с деятельностью такого удивительного человека, как Сахаров, или ужасного нападения на северокорейский (*так в тексте, на самом деле южнокорейский*. — Прим. перевод.) «Боинг». И, разумеется, в связи с кризисами в социалистических странах, ближайших соседях, дорого платящих за близость к Большому Медведю.

Вот на таком-то незыблемо-мрачном фоне и появился этот мальчуган, 51 года от роду, этот русский, этот человек из другого мира. (Разве можно представить себе американского политика, который не удалил бы со лба родимое пятно а-ля Достоевский?) Но этот человек говорил на том же языке, что и мы, он говорил то, о чем думал весь мир начиная с 1945 года: атомная война — ужасная вещь, когда-нибудь она обязательно разразится из-за перенасыщенности вооружениями, и этот процесс нужно остановить. Но в то же время этот человек признавал, что и русским женщинам, и детям угрожает эта бомба. За русским народом он признавал те же потребности, те же страхи, которыми живут и наши народы; более того, ту же ответственность в случае несчастья.

Западный мир остолбенел. Ладно еще, что этот пришелец был похож на человека, что он обладал чувством юмора, обаянием, грамотной и даже отточенной речью. Он хорошо одевался, не размахивал туфлей, не употреблял нецензурных выражений — непривычно, но терпимо. А вот что он разделял наши страхи — это уже слишком, ведь нашими страхами мы были обязаны именно ему, им, России!

И в 85-м году мир взирал с тревогой и недоверием на этого русского, облеченного слишком большой властью и оказавшегося слишком неожиданно нормальным человеком. В умах царили изумление, недоумение, подозрительность, но об облегчении и речи не было, зато облегчение он принес

в Россию... Потребовалось три или четыре года неопровержимых доказательств, чтобы мир от всей души признал (естественно, французы были последними), что у России появился гуманный руководитель, которому нужно помочь.

Впрочем, многие еще держатся прежних позиций. Многие, путая подозрительность с интуицией, приходят в раж при виде новых доказательств доброй воли и вопят, что все это лишь стратегические уловки. Впору задаться вопросом: не чувствовали бы эти люди себя более спокойно и, следовательно, согласились бы оказать помощь, если бы, например, в Афганистане продолжала литься кровь, Венгрия и Польша находились бы под властью штыков, а Сахаров по-прежнему страдал в Горьком? На самом деле, этот образ жестокой России был морально необходим многим. Как же иначе можно смириться с ужасами фашизма, например Пиночета? Для этого надо было поднять на щит «худшее зло». ГУЛАГ. Как иначе защищать бессердечие вечной гонки за прибылью, если не показывать участникам этой гонки жупела, чудовище, русский коммунизм, где любое благородное начинание обречено? Иметь подлых врагов — это еще не все, нужно, чтобы весь мир признал их таковыми.

Как бы то ни было, это в порядке вещей: горбачевские перемены проходили на глазах пораженного (и восхищенного) русского народа и на глазах пораженного (и недоверчивого) всего мира. Ведь вывести Россию, эту гигантскую страну, из 70-летнего террора и застоя, вырвать ее из лап страха и бездеятельности не взялся бы, казалось, даже сам Сизиф. И здесь возникает ряд вопросов: когда Горбачев решил, что необходимо что-то делать, что к делу надо приступать немедленно и что именно ему предстоит решать эту задачу? Как он мог — с его амбициями и его гуманизмом (ибо в нем было и то и другое) — действовать в окружении холодных аппаратчиков из Кремля? Как он осмелился, достигнув вершины власти, раскрыть свои планы врагам, одновременно таким близким и таким далеким, и народу, который видел в нем лишь очередного нестигаемого руководителя? Как он осмелился поставить под сомнение извращенный и поддельный марксизм, страх и угрозу всему миру, не

испытывавшему на себе его прелести? Как этот человек, знавший все уловки и ловушки Кремля, как он осмелился встать во весь рост и сказать: «Необходимы перемены», — перед лицом своих разгневанных или загнанных в угол соратников, перед лицом смирившегося или затаившегося народа и перед лицом подозрительного или враждебного внешнего мира? И тем не менее Горбачев сделал это.

Чтобы понять его безумную, невероятную отвагу, нужно хотя бы немного знать этого человека. А о нем известно мало, или данные неточны. Русские политики были и остаются ретроgrадами: они до сих пор не открыли ни свои постели, ни свои сердца, а еще меньше — свои души средствам массовой информации. О них можно судить лишь по их действиям. Что же можно было сказать о Горбачеве?

Прежде всего, это человек, который смог взять самую труднодоступную власть (потому что в России власть — дело опасное), а это подразумевало незаметность, ведь в этой стране любое своеобразие, любое выделение из общей массы могло стать роковым. И все же было необходимо, чтобы его покорность и преданность — в области политики — заметили тогдашние воротилы, к тому же в нужный момент. Это испытание требовало хладнокровия, скрытности, ловкости — если угодно, всех качеств, необходимых для классического карьериста. Но не карьеризм двигал этим человеком, во всяком случае, не он один. Ведь первейший рефлекс человека, который достиг вершины, проведя до этого 30 лет жизни в ее предгорьях, утвердиться наверху, обустроится и — добившись, наконец, того, чего желал сильнее всего на свете, — воспользоваться своим новым положением. Вариантов тут нет или, вернее, не было до Горбачева, который, едва завладев подобной властью, поставил ее на карту, под угрозу — да так быстро и последовательно — во имя свободы и человеческого достоинства. Это было не в духе Макиавелли, или же Макиавелли соединился здесь с Дон Кихотом. Причем Дон Кихот был достаточно безумен, чтобы сознательно пойти на это невозможное пари. Ведь не случайно говаривали в простоте душевной: «Во всяком случае, после него

жизнь уже не пойдет по-старому!» (А «после него» означало жестокую и окончательную расправу с Горбачевым.) Ведь не случайно хладнокровные обозреватели предсказывали падение советского лидера каждые полгода. И не случайно русский народ ежевечерне зажигал свечи во здравие Горбачева. Он постоянно находился «на грани смещения», причем смещения самым жестоким образом, потому что лидеру надо было опасаться не только своих врагов, но и друзей, будь то интеллектуалы, крестьяне, провинциалы, тех, кто был опьянен дуновением поднятого им свежего ветерка. Эти друзья поняли, что настал их час, они смогли, наконец, вздохнуть полной грудью, заговорить в полный голос и не преминули напомнить Горбачеву о себе, а затем и потребовать от него для себя и своих родичей того, чего им жестоко недоставало в течение 70 лет. И они хотели больше, гораздо больше, естественно, к тому же все сразу, а он давал им желанного совсем по чуть-чуть, иначе он не мог. Они даже не осознавали, что если Горбачев не сможет опираться на тех, кого защищал, то окажется во власти тех, с кем боролся.

Конечно, лицо Горбачева было — и остается — спокойным, мужественным, взгляд — добродушным и любопытным, а на полных губах всегда играла улыбка, одновременно наивная и разочарованная. Конечно, он обладал физической основательностью и мощью, этой подконтрольной ему силой, которая, как я представляю себе, позволяла ему не мучиться ночами бессонницей. Но Горбачеву было прекрасно известно, что повсюду смерть подкрадывается неожиданно, особенно в Кремле. Что же тогда ему снилось после окружавших его криков и шепотков, после яростной ненависти одних, холодности, враждебности и непонимания других? На кого опираться? К кому повернуться? Было лишь несколько близких людей, несколько единомышленников там и тут, с которыми он не мог слишком часто видеться, потому что это было небезопасно как для них, так и для него.

К счастью, рядом была Раиса — Раиса, которая последовала за ним, когда молодую чету выпускников МГУ Партия отправила в унылый город Ставрополь за 1200 километров от любимой молодоженами столицы.

Раиса, которая прожила с ним безвыездно в этой провинции 23 года. С этой женщиной, которая не превратилась в огромную грузную бабу, не спилась, не опустилась, он сумел и смог разделить жизнь.

Да, вечерами Горбачев встречался лишь с Раисой, как Макбет с леди Макбет. И действительно, в этих парадных, мрачных, отделанных панелями и до сих пор кровоточащих залах Кремля они слегка напоминали чету Макбет. Правда, не в пример им, чета Горбачевых была обращена к добру, а не к преступлению, но и их окружали ропот и враждебные тени, почти призраки.

«Земля пускает так же пузыри, как и вода», — писал Шекспир все в том же «Макбете». Много пузырей породила русская земля. Множество их, пузырей, чудовищных и жестоких, еще задолго до Горбачева насадили страшный коммунистический режим и смогли его удержать: этот режим, функционировавший неумолимо, как машина, так долго позволял и поощрял самые страшные злодеяния, превратив в привычную повседневность, что теперь отличить добро от зла не легче, чем восстановить добро.

В трудном восхождении Горбачев ведет безжалостный бой против прошлого России, против ее ужасного экономического настоящего и против равнодушия Запада. И все же лично я желаю ему достичь победы. Потому что — на этот счет двух мнений быть не может, — если он выиграет свое немислимое пари, он станет самым великим (и самым одиноким) героем XX века. Но в случае неудачи История позабудет о нем. Потому что, как бы ни был велик герой, у Истории, как и у народов, в любимчиках ходят лишь победители.